

В. Т. Юнгблюд, Д. В. Ильин

Экспериментальный полет «Аполлон — Союз» как политический и научно-технический проект разрядки (по материалам отечественных архивов)

Введение

Успешная стыковка на околоземной орбите советского космического корабля «Союз-19» и американского «Аполлона» 17 июля 1975 г. стала ярким событием периода разрядки международной напряженности и долгое время являлась одним из символов взаимодействия двух сверхдержав в научно-технической сфере в 1970-е годы.

Первые обстоятельные публикации, посвященные экспериментальному полету «Аполлон — Союз» (ЭПАС, англ. Apollo-Soyuz Test Project, ASTP), появились по горячим следам событий. Уже в 1975 г. вышла книга М. Ф. Реброва и Л. А. Гильберга¹, в которой раскрывались базовые технические характеристики полета и содержались сведения о его участниках. Через год увидел свет сборник очерков ««Союз» и «Аполлон»»², подготовленный под редакцией К. С. Бушуева советскими участниками совместного проекта — учеными, инженерами, космонавтами. Синхронно вышла книга Г. С. Хозина³, в которой не только излагалась официальная история этого события, но и затрагивался общий контекст сотрудничества сверхдержав в области исследования космоса. Лейтмотивом ранних публикаций было подчеркивание значимости экспериментального полета для дальнейшего изучения космоса усилиями разных государств, а также оптимистичная оценка перспектив космического сотрудничества и развития разрядки в целом.

С американской стороны аналогом указанных советских изданий стала книга Эдварда и Линды Эзелл,

**Юнгблюд
Валерий Теодорович**
д-р ист. наук,
проф., Вятский
государственный
университет (Киров,
Россия)

**Ильин
Дмитрий
Владимирович**
канд. ист. наук,
доц., Вятский
государственный
университет (Киров,
Россия)

Финансирование
Исследование
выполнено за счет
гранта Российского
научного фонда
№ 22-28-01876,
[https://rscf.ru/
project/22-28-01876/](https://rscf.ru/project/22-28-01876/)

которые на основе официальных технических отчетов, материалов прессы, интервью с американскими сотрудниками проекта создали подробную летопись ЭПАС — от первых контактов сторон на рубеже 1960–1970-х годов до приведения «Аполлона» в Тихом океане в июле 1975 г. Авторы сосредоточились преимущественно на фактологии и технических аспектах программы. Их оценки проекта отличались сдержанно-прагматическим тоном, но в целом были позитивными⁴.

Поворот от разрядки к новому витку противостояния на рубеже 1970–1980-х годов оказал влияние и на отображение ЭПАС в историографии. Постепенно выкристаллизовывалась тенденция рассматривать стыковку «Союза» и «Аполлона» как один из политических символов завершившейся разрядки⁵, при этом американские авторы зачастую оценивали ЭПАС как проект, в котором Советский Союз приобрел ощутимо больше Соединенных Штатов⁶. В работах отечественных авторов на протяжении большей части 1980-х годов космическое сотрудничество предыдущего десятилетия в виде приятного исключения вписывалось в общий контекст «технологической дипломатии» США, нацеленной на «сохранение позиций американского империализма в мировой политике и экономике»⁷.

Распад СССР и официальное завершение холодной войны несколько ослабили политико-идеологическую подоплеку космической проблематики в работах отечественных и зарубежных авторов, однако взаимодействие сверхдержав в области освоения и исследования космоса в 1950–1970-х годах закономерно продолжало рассматриваться преимущественно в категориях соперничества и конкуренции⁸. В отношении ЭПАС как проявления кооперации между СССР и США можно выделить два основных подхода, сформировавшихся еще в десятилетия холодной войны. В рамках первого из них истоки программы стыковки «Союза» и «Аполлона» связываются с самой логикой развития космических исследований в двух государствах и объясняются в первую очередь совпадением профессиональных интересов ученых, инженеров и администраторов по обе стороны «железного занавеса», а политике и политикам отводится сравнительно второстепенная роль⁹. В рамках альтернативного подхода подчеркивается политический символизм ЭПАС, а сам проект связывается с широкой политической повесткой отношений США и СССР, сформированной под влиянием разрядки¹⁰.

В данной статье авторы стремятся связать технологический и политический подходы, показав процесс зарождения, развития и реализации программы ЭПАС в контексте и научно-технических, и политических факторов конца 1960-х — первой половины 1970-х годов. Новизна исследования также обеспечена использованием комплекса рассекреченных документов Политбюро ЦК КПСС из Российского государственного архива новейшей истории.

Первые шаги сотрудничества (1962–1969)

В историографии 1960-е годы заслуженно рассматриваются в контексте космической гонки сверхдержав, однако подчеркнем, что сотрудничество

1970-х годов в космической сфере возникло не на пустом месте, а имело нулевой цикл в виде ограниченного, но конструктивного взаимодействия в предыдущее десятилетие.

Отправной точкой можно считать заключенное Академией наук СССР и Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА, National Aeronautics and Space Administration, NASA) в июне 1962 г. Соглашение о сотрудничестве в области метеорологии, мировой магнитной съемки и связи через искусственные спутники Земли. Хотя американские участники впоследствии, признавая «политические выгоды» данного соглашения, в целом скептически отзывались о его научной пользе¹¹, оно было отмечено определенными достижениями: был осуществлен ряд запусков искусственных спутников с заранее согласованными программами по метеорологии и изучению магнитного поля, производился обмен полученными данными, в 1964 г. был осуществлен удачный эксперимент по установлению космической связи между обсерваторией Горьковского университета и британской обсерваторией «Джодрелл-Бэнк» через американский спутник «Эхо-II». В 1965 г. было подписано соглашение о подготовке и издании совместного труда советских и американских ученых по проблемам космической медицины и биологии¹².

Эскалация вооруженного конфликта во Вьетнаме резко сократила контакты ученых двух стран в сфере космических исследований. И без того неширокий перечень направлений двустороннего сотрудничества сузился до одного пункта — обмена метеорологической информацией, который дополнялся периодическим взаимодействием в рамках международных организаций. Представители США в конце 1960-х годов периодически давали понять — напрямую и через международные институты, — что они не удовлетворены сложившейся ситуацией и готовы расширить двусторонние контакты в сфере изучения космоса как количественно, так и качественно. Однако большая часть американских предложений оставалась без ответа, либо реакция Москвы была отрицательной¹³. Лидерство в ракетно-космической гонке в это время принадлежало Советскому Союзу. Данный расклад в противостоянии позволял руководителям СССР хладнокровно относиться к попыткам американцев расширить сотрудничество¹⁴. Облетевшее мир в июле 1969 г. известие о полете «Аполлона-11» и высадке Н. Армстронга и Э. Олдрина на поверхность Луны добавляло остроты в космическую гонку и способствовало корректировке советской стороной отношения к американским инициативам¹⁵.

Парадоксально, но прилунение «Аполлона-11» обернулось для американской стороны не только победными реляциями и активным продвижением события в мировом информационном пространстве, но и рядом проблем программного и финансового характера.

Уже осенью 1969 г. в руководящем эшелоне NASA обнаружили серьезные разногласия при обсуждении дальнейших путей и приоритетов развития космической программы. Сторонники первого подхода полагали (среди них преобладали ученые и научные сотрудники), что после достижения максимального пропагандистского эффекта от высадки на Луне следует сосредоточить усилия на исследовательских задачах и полагаться в первую очередь

на автоматические космические аппараты как менее затратные и трудоемкие. Их оппоненты (в основном административный и инженерно-технический персонал) настаивали на закреплении и развитии достигнутого пропагандистского успеха, ускоренном развитии пилотируемых полетов вплоть до подготовки экспедиции на Марс и формировании экипажей преимущественно из военных летчиков. Внутри администрации мнения также разделились. Сторонник первого подхода Л. Э. Дабридж, в 1969–1970 гг. возглавлявший Президентский консультативный совет по науке, позднее сетовал, что в окружении президента преобладали люди «ориентированные исключительно на политику»¹⁶, вследствие чего между его комитетом и президентом «образовалась стена». Преемник Дабриджа Эд. Дэвид (1970–1973 гг.) не смог пробить эту стену¹⁷. В итоге победил гибридный вариант, озвученный в выступлениях президента Р. Никсона и директора NASA Т. Пейна и подразумевавший увеличение роли автоматических аппаратов, развитие орбитальных станций, пилотируемые полеты в околоземное пространство, разработку многоразовых космических кораблей и двигателя для полета на Марс¹⁸.

Достижение знакового рубежа в космической гонке вкупе с начавшейся экономической рецессией заставило власти США более щепетильно подходить к вопросам финансирования NASA. В ноябре 1969 г. Конгресс утвердил федеральные ассигнования на программу «Аполлон», занимавшую львиную долю затрат на исследование космоса, в размере 3,715 млрд долл. — на 280 млн ниже предыдущего года и более чем на 1,5 млрд меньше, чем в период пиковых финансовых вливаний 1965–1966 гг.¹⁹ Новую реальность, в которой Америка не могла сорить деньгами и в которой более приоритетными становились проекты с быстрой практической отдачей, признавали в протокольных беседах с советскими руководителями астронавты Н. Армстронг (июнь 1970 г.) и Ф. Борман (август 1970 г.)²⁰.

Таким образом, громкий успех не охладил готовности американцев искать научно-технические контакты со своим главным конкурентом, тем более что за плечами администраторов и специалистов NASA уже имелся богатый опыт взаимодействия в области исследования космоса с партнерами из Западной Европы и других регионов мира. Разнообразие форм и размах такого взаимодействия к рубежу 1960–1970-х годов были впечатляющими: от запуска иностранных спутников американскими ракетными системами (12 запусков на май 1970 г.) и установки иностранного научного оборудования на искусственные спутники США (17 экспериментов) до создания международного консорциума по спутниковой связи «Интелсат» и обучения иностранных ученых и инженеров в американских исследовательских центрах и университетах (более 1000 чел. из 38 стран). Международное космическое сотрудничество позволяло американцам решать сразу несколько задач: вести наблюдение за развитием космической науки и техники в ведущих зарубежных государствах, получать новые научные данные о Земле и околоземном пространстве, обеспечивать заметную экономию собственных финансовых ресурсов, наконец, конструировать каналы и механизмы для пропаганды своих достижений за рубежом (причем не только в сфере космоса, но и в области экономики, качества жизни и т. п.)²¹.

Важные аргументы в пользу сотрудничества с СССР поступали из ведомства Директора национальной разведки. В подготовленном в июле 1971 г. докладе говорилось, что к поступающим из СССР официальным сообщениям о космических достижениях следует относиться серьезно, поскольку за последнее время Советам удалось «добиться нескольких “безоговорочных первенств”» и «есть основания ожидать значительного прогресса» в выполнении космических программ СССР в ближайшие годы²².

На пути к соглашению (1969–1972)

В 1969 г. директор NASA Т. Пейн направил советской стороне несколько посланий, в которых предлагал провести совместные научные эксперименты в космосе (посредством установки советской аппаратуры на аппарат «Викинг» и корабли «Аполлон»), а также обсудить перспективы совместных программ космических исследований с президентом АН СССР М. В. Келдышем. В ноябре 1969 г. Келдыш направил в ЦК КПСС записку, в которой встречу с Пейном посчитал целесообразной, поскольку переговоры при «соответствующей подготовке» позволяли СССР «занять активную позицию в вопросах сотрудничества в космических исследованиях». Инициативу по установке советской аппаратуры на «Викинге» и «Аполлонах» Келдыш предложил отклонить, поскольку такие эксперименты не могли дать значимого научного выигрыша (с учетом планируемых запусков советских автоматических станций к Марсу), но могли использоваться американцами «в своих престижных соображениях»²³. Доводы Келдыша были поддержаны заведующим отделом оборонной промышленности ЦК КПСС И. Д. Сербиным и легли в основу Постановления Политбюро ЦК КПСС от 09.12.1969 № 148/57, в котором широкому перечню министерств и ведомств давалось указание в двухмесячный срок подготовить предложения о целесообразности, содержании и уровне переговоров. Тем же постановлением утверждался текст ответного письма Келдыша Пейну, в котором содержался вежливый отказ от установки советской аппаратуры на американских аппаратах («сотрудничество в области исследования планет с помощью автоматических аппаратов целесообразнее направить в русло согласования программ и целей экспериментов и обмена результатами проведенных измерений»), но давалось принципиальное согласие на встречу, с оговоркой, что предметно вопрос следует обсудить через три-четыре месяца²⁴.

Процесс сбора предложений от министерств и ведомств растянулся на несколько месяцев. Драматические обстоятельства полета «Аполлона-13» в апреле 1970 г., чуть не приведшие к трагическим последствиям (уже на орбите произошел взрыв кислородного бака у служебного модуля «Аполлона»; жизнь экипажа оказалась в опасности из-за угрозы полного отключения питания и дезориентации корабля; миссия была в экстренном порядке прервана, астронавты вернулись на Землю, выполнив лишь малую часть задач), внесли свою лепту в наполнение возможной программы сотрудничества СССР и США в космосе. Вскоре после благополучного завершения этой миссии президент Национальной академии наук США Ф. Хэндлер обратился к Келдышу

с просьбой обсудить возможное соглашение о разработке унифицированных средств сближения и стыковки космических аппаратов. Академия наук СССР и Военно-промышленная комиссия поддержали идею проведения переговоров, упирая на то, что в перспективе могут возникнуть ситуации, когда будет необходима стыковка советских и американских космических объектов для оказания помощи космонавтам. 13 мая Политбюро согласовало проведение встречи Хэндлера и Келдыша для обсуждения целесообразности детальных переговоров, но без публикации совместного коммюнике²⁵. Состоявшаяся в мае 1970 г. встреча руководителей научных ведомств открыла путь к началу предметных переговоров между специалистами двух стран по средствам сближения и стыковки. Уже 1 сентября 1970 г. Политбюро и Совет Министров СССР утвердили состав советской делегации и указания для проведения переговоров с американской стороной по проблемам сближения и стыковки. В частности, разрешалось строго на условиях взаимности передать американской стороне общие данные о системах сближения и стыковки кораблей «Союз», включая устройство и характеристики стыковочного узла на «Союзе-7К-Т» и радиолокационной системы «Игла»²⁶.

К этому моменту вопрос о стыковочных узлах официально закрепился в американской повестке сотрудничества с Москвой. 10 июля 1970 г. президент США Р. Никсон утвердил директиву NSDM-70, которая санкционировала продолжение космического сотрудничества с Москвой «по каналам дипломатических и технических агентств высокого уровня» и утверждала предварительный перечень направлений сотрудничества, включавший обмен научными экспертами и информацией, координацию отдельных мероприятий, в том числе по беспилотному исследованию Луны и планет; сотрудничество в области навигации и связи; проекты по повышению безопасности, унификации приборов и рабочих процедур, в том числе разработку совместимого стыковочного оборудования²⁷. Руководствуясь последним из пунктов, в сентябре 1970 г. Пейн направил Келдышу предложение об установке советского стыковочного узла на американскую станцию «Скайлэб» и последующей стыковке советского корабля и станции²⁸.

Переговоры двух делегаций по вопросам сближения и стыковки состоялись в Москве в конце октября 1970 г. В ходе переговоров американская сторона предоставила данные об аппаратуре кораблей «Джемини» и «Аполлон», а также о программе «Скайлэб», советская огласила информацию по «Союзам». В ходе обмена мнениями выявилась потребность дальнейшего обсуждения ряда смежных технических вопросов (состав атмосферы корабля, расположение двигателей и солнечных батарей, голосовая и кодовая связь и т. п.) и был намечен план совместных действий, включавший обмен дополнительными техническими материалами, дальнейшие встречи рабочих групп и разработку предварительных проектов средств сближения и стыковки²⁹. Содержание переговоров было с удовлетворением воспринято в Вашингтоне. Помощник президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер в меморандуме для Никсона отмечал прямой и открытый характер дискуссий и особо

подчеркивал полноту и откровенность, с которой советские представители проинформировали американских визави о стыковочных системах СССР³⁰.

Параллельно с вопросом о средствах стыковки развивался сюжет, касающийся общих вопросов сотрудничества сверхдержав в космосе. К августу 1970 г. весь массив предложений от заинтересованных ведомств был аккумулялирован и передан на утверждение Политбюро. Обширный предварительный перечень направлений сотрудничества включал не только известные по опыту 1960-х годов пункты об обмене метеорологической информацией, о запусках метеорологических ракет, работах по космической биологии и медицине, но и более смелые предложения: совместное обсуждение результатов исследований космических объектов, полученных с помощью спутников; изучение Мирового океана с помощью спутников; взаимодействие спутниковых систем «Интелсат» и «Интерспутник», включая взаимную аренду каналов связи; создание международной метеорологической космической системы, в которой США отвечали бы за спутники на стационарных орбитах, а СССР — за спутники на нижнем ярусе; разработку навигационной системы и диспетчерской службы для мореплавания и гражданской авиации (по данному пункту оговаривалось, что инициативу должна проявить американская сторона)³¹. Приведенный перечень был предварительно одобрен Политбюро в августе 1970 г. и окончательно утвержден 6 октября 1970 г. Постановлением № П180/9, а в середине января 1971 г. высшая партийная инстанция зафиксировала итоговое решение по началу переговоров «о возможных направлениях и формах сотрудничества СССР и США в области изучения и использования космического пространства в мирных целях на взаимовыгодной основе»³².

Долгожданные переговоры делегаций СССР (глава — М. В. Келдыш) и США (глава — и. о. директора NASA Дж. Лоу) состоялись в Москве 18–21 января 1971 г., однако их результаты показали, что обе стороны, несмотря на продемонстрированную готовность к сотрудничеству, по-разному понимали его наполнение. Американские предложения о тесной координации национальных космических программ либо о выработке совместной программы изучения Марса и Луны были отвергнуты советской делегацией, поскольку требовали дополнительных работ по созданию новой техники и чрезмерного раскрытия информации о программе СССР. В свою очередь, вопросы развития космической связи, которые занимали заметное место в проекте советских предложений, не получили должного обсуждения на встрече³³. Поскольку советские предложения подразумевали, по сути, интеграцию систем «Интелсат» и «Интерспутник», то представители NASA формально посчитали, что данный вопрос находится вне зоны их компетенции. «Итоговый документ о совместной деятельности в области космической физики, космической метеорологии, изучения природной среды, космической биологии и медицины», парафированный Келдышем и Лоу, фиксировал основные направления сотрудничества и перечень ключевых мер: улучшение обмена метеоданными и согласованные пуски метеоракет, обмен образцами лунного грунта, расширение обмена результатами исследований по национальным программам, обсуждение использования космических средств для изучения природной среды, расширение

и обеспечение регулярного характера обмена медико-биологической информацией по результатам пилотируемых полетов. Соглашением предполагалась дальнейшая работа смешанных рабочих групп³⁴.

В ходе подготовки к встрече рабочих групп весной 1971 г. американская сторона внесла предложение о стыковке на околоземной орбите «Аполлона» и «Союза» с использованием доработанных средств сближения и стыковки ориентировочно в 1973 г. Предложение американцев было воспринято руководителями советской космической программы со скепсисом. В совместной записке, направленной в ЦК КПСС в мае 1971 г., Л. Смирнов, М. Келдыш и Г. Тюлин³⁵ предлагали отклонить такой вариант, поскольку, во-первых, он лишь распылял силы по разработке новых совместимых средств, во-вторых, стыковку американцы предлагали провести преимущественно силами «Аполлона», «Союз» же должен был выполнять роль пассивной «мишени». В качестве контрпредложения была выдвинута идея стыковки «Аполлона» и советской орбитальной станции «Салют» на первом этапе и стыковки «Союза» и американского «Скайлаба» — на втором³⁶.

Эта же идея — «Аполлон» и «Салют» в 1974 г., «Союз» и «Скайлаб» позднее — содержалась в обширном перечне предложений, которые М. В. Келдыш и председатель Государственного комитета СССР по науке и технике В. А. Кириллин направили в ЦК в августе 1971 г. Руководители советской науки полагали, что решение о стыковке может быть принято уже в ходе ожидавшейся советско-американской встречи на высшем уровне. Остальная часть предложений Келдыша и Кириллина подразумевала развитие двухстороннего сотрудничества по широкому спектру направлений: от изучения околоземного пространства, Луны и планет до медико-биологических исследований и установления моста между системами «Интерспутник» и «Интелсат». Академики сразу оговаривались, что максимально допустимый предел взаимодействия в исследованиях Луны и планет — это совместное определение научных целей и обмен полученными результатами; скоординированную программу в случае предложения таковой американцами предполагалось отклонить³⁷. В начале сентября 1971 г. Политбюро одобрило предложенную программу в качестве основы для продолжения переговоров. Однако представители Соединенных Штатов продолжали настаивать на варианте со стыковкой «Союза» и «Аполлона» на основе имеющихся модернизированных средств³⁸.

Корректировка советской позиции последовала через несколько месяцев. В начале февраля 1972 г. Минобщесмаш направил в АН СССР свои соображения о вариантах стыковки. Согласно расчетам, предлагавшаяся стыковка «Аполлона» и «Салюта» требовала значительных финансовых затрат и дополнительной загрузки промышленных мощностей. Более предпочтительным виделся предлагаемый американцами вариант с «Аполлоном» и «Союзом», но с разработкой принципиально новых средств стыковки³⁹. В марте в ЦК была направлена совместная записка Академии наук, Минобщесмаша и Минобороны, в которой более детально излагались доводы против первоначального варианта с «Аполлоном» и «Салютом». Очевидно, приведенные аргументы (строительство двух-трех дополнительных станций типа «Салют» и шести-девяти «Союзов», а также

возможное отвлечение производственных ресурсов с работ над ракетно-космическим комплексом «Алмаз») произвели впечатление на высшее партийное руководство, и уже 31 марта Политбюро приняло постановление, утвердившее вариант со стыковкой «Союза» и «Аполлона», а также соответствующие указания для советской делегации на новый раунд переговоров с NASA⁴⁰.

Окончательная договоренность о стыковке «Союза» и «Аполлона» в 1975 г. была достигнута на встрече и. о. президента АН СССР В. А. Котельникова и зам. директора NASA Дж. Лоу 4–6 апреля 1972 г. Первоначально на Московском саммите в мае 1972 г. планировалось лишь официально заявить о достижении договоренности, однако в последний момент американская сторона предложила подписать отдельное соглашение. Обратим внимание, что разработанный советской стороной проект, утвержденный Политбюро 19 мая⁴¹, содержал более широкий перечень направлений сотрудничества в космосе, чем текст, подписанный 24 мая 1972 г. Р. Никсоном и А. Н. Косыгиным⁴². Итоговый вариант документа отдельным пунктом намечал работы по созданию совместимых средств сближения и стыковки и проведение экспериментального полета в 1975 г. (ст. 3), также предусматривалось сотрудничество в области космической метеорологии, изучения природной среды, исследования околоземного космического пространства, Луны и планет, космической биологии и медицины (ст. 1), однако был исключен пункт о развитии космической связи.

Следует полагать, что явное нежелание американской стороны распространять область сотрудничества на спутники связи — не случайность, а вполне продуманный шаг. Руководители космических программ США были расположены к взаимодействию, нацеленному на вполне конкретный и приземленный результат, соответствующий американским интересам (стыковка и спасение космонавтов), однако не горели желанием допускать в свою спутниковую систему нового участника, чье присутствие почти автоматически могло поставить под вопрос их лидерство. Кроме того, вопросы космической связи тесным образом переплетались с оборонными программами США, что также устанавливало весьма жесткую ограничительную рамку.

В истории подписания соглашения о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях необходимо отметить еще две примечательные детали. Во-первых, оно оказалось единственным из 11 советско-американских соглашений о сотрудничестве в области науки и технологий, заключенных в годы разрядки, которое не предполагало создания двустороннего органа по управлению всеми проектами, выполнявшимися в рамках данного соглашения⁴³. Для совместного советско-американского эксперимента по программе «Союз — Аполлон» был создан специальный Координационный комитет. Во-вторых, американская сторона форсировала заключение соглашения, а президент Никсон изъявил желание подписать его лично. В США в это время шли президентские выборы, и космическая тема отлично подходила для того, чтобы символизировать «успешность в развитии отношений с СССР»⁴⁴. Вместе с другими важными двусторонними договоренностями этот акт содействовал созданию особого «духа Москвы», что было отмечено по обе стороны Атлантического океана⁴⁵.

Экспериментальный полет «Аполлон — Союз» (1972–1975)

Оформленное в мае 1972 г. межправительственным соглашением решение о стыковке космических аппаратов неизбежно ставило перед обеими сторонами комплекс организационных, научных, материально-технических, информационных задач, решение которых было сопряжено не только с затратой разнообразных ресурсов, но и с преодолением взаимного недоверия и проявлением политической воли руководства.

Значительная часть организационных и научно-технических аспектов взаимодействия ученых, конструкторов, инженеров СССР и США в период с июня 1972 по июль 1975 г. представлена в упомянутых выше публикациях (особенно подробно в книге Эзеллов⁴⁶), а также в очерках воспоминаний ведущего разработчика андрогинно-периферийного агрегата стыковки В. С. Сыромятникова⁴⁷ и в мемуарах руководителя ЦНИИ машиностроения Ю. А. Мозжорина⁴⁸. В рамках данной публикации затронем несколько взаимосвязанных проблем, находившихся на стыке научно-технической сферы и политики.

Проблема доверия партнеру в развитии проекта стыковки отчасти проистекала из общего политико-идеологического контекста холодной войны, отчасти из того, что космические программы обоих государств к первой половине 1970-х годов познали не только радости больших побед, но и крупные неудачи, вписанные в историю освоения космоса в том числе потерей человеческих жизней. О драматичном полете «Аполлона-13» мы уже упоминали выше. Летом 1971 г. настоящим шоком для советской космонавтики стала авария «Союза-11» в которой из-за разгерметизации спускаемого аппарата погибли Г. Т. Добровольский, В. Н. Волков и В. И. Пацаев. После этой катастрофы запуски «Союзов» не осуществлялись более двух лет, возобновившись только в сентябре 1973 г. Все это происходило на фоне забуксовавшей и в итоге свернутой советской лунной программы, о проблемах которой, несмотря на традиционную завесу сверхсекретности вокруг космических исследований в СССР, имели представление в США⁴⁹.

Сложности советской стороны закономерно вызывали сомнения у американцев, причем не только и не столько у специалистов, сколько у политиков и обывателей. Летом — осенью 1973 г. Дж. Лоу и возглавивший к тому времени NASA Дж. Ч. Флэтчер при общении с представителями Конгресса вынуждены были подробно объяснять принципиальную разницу экспериментального полета «Аполлона» и «Союза» по сравнению с обычными миссиями на околоземной орбите. От парламентариев звучали прямые вопросы о коррективах в миссии «Аполлона» при возможном отказе СССР от выполнения своих обязательств в рамках ЭПАС. Естественно, Лоу и Флэтчер не могли дать четких и однозначных гарантий на этот счет за своих советских визави, и их ответы на столь непростые вопросы были максимально уклончивыми. Сами топ-менеджеры NASA, судя по имеющимся данным, возможность выхода Советского Союза из проекта всерьез не рассматривали⁵⁰.

Возобновление полетов пилотируемых «Союзов» осенью 1973 г. не сняло все вопросы американской стороны, тем более что один из запусков новой

волны принес относительную неудачу — в августе «Союз-15» не смог осуществить стыковку с орбитальной станцией «Салют-3» и досрочно вернулся на Землю. Незамедлительно в Конгрессе и американских СМИ поднялась волна критики в адрес проекта, высказывались сомнения в безопасности американского корабля и астронавтов при стыковке с «Союзом» в 1975 г. 8 сентября 1974 г. советский посол в США А. Ф. Добрынин проинформировал ЦК об обеспеченности руководства NASA возможным сокращением финансирования программы и детальной осведомленности американцев о содержании переговоров экипажа «Союза-15» с Землей. Добрынин также передал полученный в конфиденциальном порядке совет астронавта Т. Стаффорда — не защищать публично тезис о «штатном» выполнении задачи экипажем, а сделать акцент на принципиально ином характере несостоявшейся стыковки по сравнению с советско-американской программой⁵¹. Реакция советского руководства последовала крайне быстро и была выдержана в духе рекомендаций Стаффорда и самого Добрынина. В экстренно подготовленном заявлении М. В. Келдыша и Б. Н. Петрова⁵² расплывчато говорилось об «отклонении некоторых параметров от расчетных значений» системы автоматической стыковки с «Салютом», но при этом подчеркивались различия в системах сближения и стыковочных узлах «Союза-15» и готовящегося к совместному полету корабля, а также повышенное внимание советского персонала к надежности всех агрегатов нового «Союза»⁵³.

К аналогичным смысловым конструкциям пришлось прибегнуть несколько месяцев спустя, когда в апреле 1975 г. аппарат с космонавтами «Союза-18» совершил аварийную посадку через несколько минут после старта ракеты. Инструкции Политбюро, направленные послу Добрынину, повторяли уже знакомые тезисы («отклонение параметров стабилизации ракеты-носителя от расчетных значений» и использование в программе «Союз — Аполлон» другой модификации ракеты-носителя), но уже с указанием на принципиальный факт успешного завершения мероприятий по отработке новых модификаций носителя и корабля⁵⁴.

Приведенные факты свидетельствуют не только о высоком значении, которое придавалось ЭПАС советской верхушкой, но и о меняющемся под влиянием сотрудничества с американцами подходе к информационному освещению космических программ. В 1950–1960-е годы даже базовая информация о космической программе СССР — начиная с фамилий ведущих конструкторов и наименований организаций, заканчивая подготовкой космических полетов до момента успешного старта — оставалась тайной за семью печатями⁵⁵. Теперь же визиты делегаций космонавтов, астронавтов и технических специалистов на подготовительном этапе освещались на уровне газеты «Правда», проводились пресс-конференции, отдельные руководители давали интервью. В феврале 1975 г. Совмин СССР принял постановление о порядке освещения полета в СМИ, которое предусматривало организацию пресс-центра, посещения иностранными корреспондентами Института космических исследований АН СССР и Научно-испытательного центра подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина, создание межведомственных пресс-групп и обеспечение квалифицированного

технического комментария для журналистов в период подготовки полета и его осуществления⁵⁶. Вместе с тем информационная открытость советской космической программы имела свои пределы. В ноябре 1974 г. на встрече с Келдышем посол США У. Стессел поставил вопрос о допуске американских корреспондентов в Центр управления полетами и к месту старта «Союза», однако реакция Келдыша была негативной. Уже в декабре он направил в ЦК записку, завизированную также Л. В. Смирновым (Военно-промышленная комиссия), С. А. Афанасьевым (Минобщемаш), В. Г. Куликовым (Минобороны) и С. К. Цвигуном (КГБ), в которой предлагалось организовать ознакомительный показ Центра управления полетами (ЦУП) корреспондентам разных стран (включая США), но без допуска на Научно-исследовательский испытательный полигон № 5 Минобороны (Байконур). Внесенные предложения были утверждены Политбюро в самом начале января 1975 г.⁵⁷

Конечно, при выполнении научно-технической части мероприятий проекта тоже не обошлось без накладок и задержек. В частности, одним из главных вопросов на совещаниях и рабочих встречах в Министерстве общего машиностроения в 1973–1974 гг. были нарушения промежуточных сроков в графиках работ ведущих организаций (Центрального конструкторского бюро экспериментального машиностроения, ЦНИИ машиностроения, НИИ приборостроения), задержки поставок узлов и агрегатов с предприятий-смежников, медленная подготовка стартовой площадки на космодроме и инфраструктуры космической связи⁵⁸. Представляется, что регулярные задержки были связаны в первую очередь с новизной и масштабом проводимых работ и преодолевались в достаточно сжатые сроки. В итоге успешные летные испытания «Союза-М» в беспилотном варианте были проведены в первой половине апреля 1974 г. с задержкой в два месяца от внутреннего графика, но с полным выполнением всего объема наземной экспериментальной работы⁵⁹. В декабре 1974 г. А. В. Филипченко и Н. Н. Рукавишников на борту «Союза-16» (близнец «Союза-19») на орбите успешно апробировали обновленные узлы и агрегаты. В марте 1975 г. прошла генеральная репетиция полета на Земле с участием экипажей и ЦУПов⁶⁰. За период подготовки к полету советскими учеными и инженерами был создан обновленный «Союз-М» на базе основной транспортной модели 7К-Т, разработана система передачи цветного телевизионного изображения с борта корабля, организован новый ЦУП⁶¹, произведено дооснащение контрольно-измерительных комплексов средствами телевидения и связи. К концу июня 1975 г., когда в Политбюро был направлен доклад о готовности к запуску, на космодроме Байконур находились два полностью подготовленных «Союза», были приведены в полную готовность стартовый и контрольно-измерительные комплексы, ЦУП, поисково-спасительные службы⁶².

В соответствии с намеченным графиком 15 июля 1975 г. был произведен запуск космических кораблей США и СССР с экипажами. «Союз-М» с А. А. Леоновым и В. Н. Кубасовым стартовал в 15:20 по московскому времени с Байконура, в 22:50 по Москве с космодрома на мысе Канаверал взлетел «Аполлон» с Т. Стаффордом, В. Брэндом и Д. Слейтоном. Историческая стыковка двух кораблей произошла над Европой 17 июля в 19:12. Рукопожатие

Леонова и Стаффорда после открытия люков переходного отсека в прямом эфире наблюдали миллионы телезрителей во всем мире. Кроме протокольных мероприятий (обмен флагами, сувенирами и т. п.), за неполные двое суток экипажи выполнили ряд экспериментов в области микробиологии, эмбриологии, астрономии, металлургии. Спустя несколько суток после окончательной стыковки (19 июля) экипажи вернулись на Землю: Леонов и Кубасов — 21 июля, американцы — 25 июля⁶³. Успешно завершённый полет актуализировал вопрос о дальнейших направлениях и формах взаимодействия сторон в области исследований космоса.

Несбывшееся: контуры возможного сотрудничества после экспериментального полета «Аполлон — Союз»

Обсуждение вопроса о дальнейших путях двустороннего сотрудничества в пилотируемой космонавтике началось задолго до того, как проект ЭПАС вышел на финишную прямую. В начале апреля 1974 г. Лоу обратился к Келдышу с предложением обсудить продолжение программы и в качестве возможного варианта назвал стыковку «Аполлона» и «Союза» со станцией «Салют» в 1976 г. с переходом экипажей кораблей на станцию и выполнением совместных экспериментов⁶⁴. Уже через неделю АН СССР и Минобщешмаш направили в ЦК совместную записку, в которой излагалась аргументация против новой американской инициативы: подготовка стыковки «Салюта» и «Аполлона» требовала выполнения большого объема конструкторских работ и отвлечения производственных мощностей от штатных космических программ, в том числе оборонной направленности, а также допуска американских специалистов на стартовые позиции ракеты-носителя УР-500К, непосредственно связанной с запуском объектов военного назначения. Взамен ведомства предлагали рассмотреть иные варианты: повторную стыковку «Союза» и «Аполлона» либо «Союза» и «Скайлаба»⁶⁵. Аналогичная по смыслу записка была направлена в ЦК еще через несколько недель от более широкой коалиции ведомств (АН СССР, ВПК, Минобщешмаш, Минобороны). По сравнению с первым вариантом, детализировалась аргументация против американской инициативы (так, создание нового «Салюта» с двумя узлами стыковки требовало финансовых затрат порядка 400 млн руб. и могло быть завершено не ранее 1979 г.) и конкретизировалось встречное предложение — провести в 1976–1977 гг. повторную стыковку «Союза» и «Аполлона» «с учетом результатов первого эксперимента»⁶⁶.

В мае 1974 г. Политбюро согласилось с изложенными в записке предложениями, но в то же время запросило представить новые инициативы о сотрудничестве через несколько месяцев. Ответ Лоу на советские контрпредложения был быстрым: заместитель директора NASA посчитал повторение полета «Союза» и «Аполлона» нецелесообразным и призвал обсудить возможность новых проектов, пилотируемых или беспилотных⁶⁷. Новые предложения о сотрудничестве были направлены АН СССР и Минобщешмашем в ЦК в декабре 1974 г., но содержали мало конкретики. Указывалось, что НПО «Энергия» «рассматривает возможности создания совместимых систем и средств для станций

и кораблей», а НПО им. С. А. Лавочкина изучает возможность совместных экспериментов при запуске автоматических станций к Луне в 1976–1980 гг. Отдельно подчеркивалось, что реализация новых проектов связана со значительными затратами на опытно-конструкторские разработки и капитальное строительство и не обеспечена имеющимися ресурсами⁶⁸.

Более предметные переговоры о продолжении программы ЭПАС возобновились весной 1975 г., когда рассматривался принципиально новый вариант стыковки — орбитальная станция типа «Салют» и разрабатываемый Соединенными Штатами космический корабль многоцелевого использования «Спейс Шаттл»⁶⁹. Проработка данной альтернативы на начальном этапе вызвала резкое неприятие советских военных. 14 июля 1975 г. министр обороны СССР А. А. Гречко направил Л. И. Брежневу записку, в которой подверг критике вариант с «Шаттлом» и «Салютом». Аргументация министра строилась вокруг нарушения режима секретности ряда важных оборонных объектов, куда пришлось бы допускать американских специалистов. Также глава Минобороны полагал, что реализация проекта позволит американцам ускорить развитие качественно новой военно-космической техники и в то же время отвлечет значительные силы и средства СССР от разработки важнейших космических комплексов военного назначения. Гречко предлагал снять с рассмотрения вариант «Шаттла» и «Салюта» (хотя и допускал возвращение к нему «в зависимости от обстановки») и основные усилия в сфере космического сотрудничества сосредоточить на создании международных систем в области метеорологии, навигации, гражданской авиации, морского судоходства, космической связи, а также на контроле за состоянием окружающей среды космическими средствами⁷⁰. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют определить с точностью, как сам Брежнев отнесся к инициативе Громыко, однако последующее развитие событий показало, что «фронта» Гречко была скорее локальным эпизодом и на том этапе не поколебала настрой высшего руководства СССР на продолжение космических стыковок с американскими кораблями.

В июне 1976 г. Политбюро ЦК КПСС приняло Постановление № П14/6 «О дальнейшем развитии сотрудничества в области пилотируемых космических полетов», которое отразило во многом положительную реакцию партийной верхушки на выдвинутые NASA еще в августе 1975 г. предложения о проведении переговоров (создание рабочей группы по стыковке «Шаттла», «Салюта» и «Аполлона», обсуждение вопроса о создании совместной космической станции, использование космических средств для наблюдения за окружающей средой, в системах поиска и спасения, установка научных приборов и аппаратов на космические корабли друг друга). Постановление санкционировало осуществление совместного экспериментального полета «Салюта» и «Шаттла» ориентировочно в 1980–1981 гг., а также проработку вопроса о возможности создания международной орбитальной станции на двусторонней либо многосторонней основе⁷¹.

В ходе проведенных в конце октября 1976 г. переговоров делегаций СССР и США была достигнута принципиальная договоренность по всем ключевым вопросам. Оформление нового межправительственного соглашения

планировалось на период после завершения президентской гонки в США; была определена последовательность основных подготовительных этапов полета, намеченного на 1981 г., согласовано создание рабочей группы по международной орбитальной станции⁷².

Подготовительный переговорный процесс увенчался подписанием в Женеве 18 мая 1977 г. нового межправительственного соглашения, которое по духу и букве во многом повторяло документ 1972 г. Содержательные отличия были минимальны: в перечне основных направлений сотрудничества появился новый элемент — спутниковые поисково-спасательные системы, а третья статья не указывала на конкретный срок и формат следующей космической стыковки, весьма обтекаемо упоминая использование совместимых средств сближения и стыковки с отсылкой к соглашению между NASA и АН СССР, подписанному чуть ранее (11 мая)⁷³. В свою очередь, это соглашение предусматривало создание и функционирование совместных рабочих групп по «изучению целей, осуществимости и средств реализации совместных экспериментальных полетов» по программе «Салют — Шаттл»; при этом отмечалось, что группы будут «исходить из предположения, что первый полет будет осуществлен в 1981 г.»⁷⁴.

Однако стыковке «Шаттла» и станции «Салют» не суждено было осуществиться ни в 1981 г., ни позднее. Предусмотренные соглашением NASA и АН СССР консультации рабочих групп начались в Москве в конце 1977 г., на вторую половину весны 1978 г. был запланирован новый раунд консультаций уже на американской территории, однако он так и не состоялся⁷⁵. Доступная на данный момент источниковая база не позволяет судить обо всех обстоятельствах свертывания мероприятий по разработке программы «Шаттл — Союз». С уверенностью можно говорить о двух позициях. Во-первых, на космическое сотрудничество не могло не повлиять общее ухудшение политических отношений между сверхдержавами на рубеже 1970–1980-х годов, из-за которого было свернуто научно-техническое сотрудничество по большинству направлений, кроме медицины. Во-вторых, американская сторона еще в 1978 г. пыталась связать переговоры по «Салюту» и «Шаттлу» с расширением двустороннего сотрудничества в области планетарных исследований, однако ни руководители советской космической программы (Президент АН СССР А. П. Александров, министр общего машиностроения С. А. Афанасьев), ни Политбюро не стремились делиться с американскими партнерами наработками по изучению Венеры⁷⁶.

В Соединенных Штатах тем временем также происходили перемены, не способствовавшие поддержанию «духа Москвы» и продвижению рожденных на пике разрядки проектов: «Уотергейтское дело убедило многих американцев, что в стране, которой управляли Никсон и Киссинджер что-то не так»⁷⁷. С приходом в Белый дом администрации Дж. Картера нисходящая динамика разрядки стала устойчивой и данное обстоятельство негативно влияло на интенсивность двустороннего взаимодействия в космосе. При отсутствии постоянного совместного органа, управляющего космическими проектами, контакты между ответственными лицами в СССР и США постепенно утрачивали системность. В Соединенных Штатах параллельно нарастала компания в защиту прав человека в СССР, объективно затруднявшая нормальное развитие

двусторонних отношений. На этом фоне постепенно ужесточался экспортный контроль в СССР, готовился, а в 1979 г. был опубликован список военных и критических технологий, передача которых СССР и его союзникам приравнялась к «подрыву национальной безопасности»⁷⁸. В таких условиях продолжение диалога утратило перспективу.

Заключение

Программа экспериментального полета «Аполлон — Союз» зарождалась как сугубо научно-технический проект, в рамках которого две ведущие космические державы проявили готовность к сотрудничеству для решения достаточной узкой технологической задачи по обеспечению стыковки космических аппаратов различной конструкции и государственной принадлежности. От успешного решения данной задачи в значительной степени зависело развитие космических программ СССР и США. Катализатором для перехода вялотекущего сотрудничества сверхдержав в космической сфере второй половины 1960-х годов на качественно иной уровень стала успешная высадка американских астронавтов на Луну в июле 1969 г. Громкий успех миссии «Аполлона-11» парадоксальным образом обозначил необходимость корректировки подходов и приоритетов и для Соединенных Штатов, и для Советского Союза. NASA было кровно заинтересовано в партнерах, с помощью которых можно было реализовать амбициозные проекты с быстрой и понятной отдачей, но при меньших затратах ресурсов. Для советской космической отрасли расширение опций сотрудничества с сильным партнером давало дополнительные возможности развития и шанс политической реабилитации за пробуксовку лунной программы.

С 1950-х годов исследование и освоение космоса и для СССР, и для США имели ярко выраженный политико-идеологический подтекст. Именно успехи в космосе служили доказательством привлекательности той или другой социальной системы, в силу чего не могли не рассматриваться руководством сверхдержав сквозь призму соображений престижа и в контексте борьбы за глобальное лидерство. Однако наметившееся потепление политических отношений двух стран в 1971–1972 гг. и запланированный визит президента Никсона в Москву придали проекту стыковки новое измерение — политическое. Наглядная демонстрация сотрудничества в притягательной для широкой публики и амбициозной сфере как нельзя лучше укладывалась в оформлявшуюся канву разрядки между сверхдержавами. Вместе с тем содержание соглашения от 24 мая 1972 г., ставшего политико-правовым фундаментом ЭПАС, указывало на то, что сотрудничество США и СССР в вопросах стыковки, космической медицины и в ряде других направлений имело определенные рамки и не отменяло ранее доминировавший компонент конкуренции.

Успешное осуществление экспериментального полета «Союза-М» и «Аполлона» закономерно ставило вопрос о закреплении и развитии достигнутого результата. Однако после 1975 г. в области космоса СССР и США, несмотря на продолжение сотрудничества по ряду направлений, не создали ничего сопоставимого по масштабу решаемых проблем и общественному

интересу с ЭПАСом. Вероятно, среди высшего советского руководства не было полного единства относительно формата дальнейшего взаимодействия с американцами по стыковкам. Еще на стадии подготовки полета «Союза» и «Аполлона» администраторы советской космической программы были склонны повторить апробированный вариант стыковки и не тратить ресурсы на разработку нового оборудования. Однако американская сторона настаивала на использовании принципиально новых решений. В результате стороны пришли к варианту стыковки орбитальной станции «Салют» и «Шаттла», однако достигнутые к 1977 г. договоренности не отличались четкостью формулировок и не имели императивного характера. Обстоятельства свертывания подготовительных работ по программе «Салют — Шаттл» требуют дальнейшего изучения, однако с уверенностью можно говорить, что ключевым фактором этого стало осложнение политических отношений Москвы и Вашингтона в конце 1970-х годов.

¹ Ребров М. Ф., Гильбергер Л. А. «Союз» — «Аполлон». М., 1975.

² «Союз» и «Аполлон». Рассказывают советские ученые, инженеры и космонавты — участники совместных работ с американскими специалистами / ред. К. Д. Бушуев. М., 1976.

³ Хозин Г. С. Орбиты космического сотрудничества. М., 1976.

⁴ Ezell E. C., Ezell L. N. The partnership: A history of the Apollo-Soyuz Test Project. Washington, 1978.

⁵ Garthoff R. Détente and confrontation. Washington, 1985. P. 468; Westad O. A. The cold war: A world history. New York, 2017. P. 417.

⁶ McDougall W. The Heavens and the Earth. A political history of the space age. Baltimore, 1997. P. 431, 435. Впервые книга Макдугалла была опубликована в 1985 г., поэтому в обзоре мы относим ее к периоду 1980-х годов.

⁷ Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции / ред. Г. А. Арбапов. М., 1979. С. 256–266; Хозин Г. С. США: космос и политика. М., 1987. С. 126.

⁸ Clay M. Shuttle-Mir: The United States and Russia share history's highest stage. Washington, 2001; Siddiqi A. Challenge to Apollo: The Soviet Union and the space race, 1945–1974. Washington, 2000; Karash Yu. The superpower Odyssey: A Russian perspective on space cooperation. Reston, 1999; Volf D. Evolution of the Apollo-Soyuz Test Project: The effects of the “third” on the interplay between cooperation and competition // Minerva. 2021. Vol. 59. P. 399–418; Караш Ю. Ю. Тайны лунной гонки. СССР и США: сотрудничество в космосе. М., 2005.

⁹ Karash Yu. The superpower Odyssey. P. 90.

¹⁰ Krasnyak O. The Apollo-Soyuz Test Project: Construction of an ideal type of science diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 2018. Vol. 13, iss. 4. P. 410–431; Ellis T. “Howdy partner!” Space brotherhood, detente and the symbolism of the Apollo-Soyuz Test Project // Journal of American Studies. 2019. Vol. 53, iss. 3, P. 744–769; Sadeh E., Lester J., Sadeh W. Modeling international cooperation for space exploration // Space Policy. 1996. Vol. 12, iss. 3. P. 207–223.

¹¹ Schweitzer G. E. Techno-Diplomacy: US-Soviet confrontation in science and technology. New York, 1989. P. 148–149.

¹² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 129. Оп. 55. П. 213. Д. 41. Л. 69–70.

¹³ Там же. Л. 71.

¹⁴ См. об этом: Юнгблюд В. Т. «Путь к Рубикону»: американско-советские контакты в области науки и технологий // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1697–1700.

¹⁵ Nelson K. The making of Détente: Soviet-American relations in the shadow of Vietnam. Baltimore, 2019. P. 37.

- ¹⁶ Oral history interview transcript with Lee DuBridge on 14 February 1986 // American Institute of Physics, Niels Bohr Library & Archives. URL: <https://www.aip.org/history-programs/niels-bohr-library/oral-histories/4582> (дата обращения: 11.07.2024).
- ¹⁷ *Auerch H.* A strategic analysis of science & technology policy. Baltimore, 1985. P. 170; *Nixon R.* The memoirs of Richard Nixon: in 2 vols. Vol. 1. New York, 1978. P. 531–532.
- ¹⁸ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 55. П. 213. Д. 41. Л. 57–58.
- ¹⁹ Там же. Л. 59–60.
- ²⁰ Там же. Оп. 56. П. 223. Д. 35. Л. 17, 22.
- ²¹ Там же. Д. 34. Л. 18–22.
- ²² CIA Archive. National Intelligence Estimate, No. 140.11-1-71. The Soviet Space Program. July 1, 1971. P. 1, 3.
- ²³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 03. Оп. 78. Д. 1078. Л. 12–13.
- ²⁴ Там же. Л. 7–8, 11.
- ²⁵ Там же. Л. 16–18.
- ²⁶ Там же. Л. 35–36, 39.
- ²⁷ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1976. Vol. E-1. Global issues. Doc. 237, 248.
- ²⁸ Ibid. Doc. 239.
- ²⁹ РГАНИ. Ф. 03. Оп. 78. Д. 1078. Л. 65–68.
- ³⁰ FRUS. Vol. E-1. Doc. 245.
- ³¹ РГАНИ. Ф. 03. Оп. 78. Д. 1078. Л. 23–24.
- ³² Там же. Л. 20, 47–50.
- ³³ Там же. Л. 116–117.
- ³⁴ Там же. Л. 97–99, 116–117.
- ³⁵ Леонид Васильевич Смирнов — в то время заместитель председателя Совета министров СССР по оборонным отраслям промышленности; Георгий Александрович Тюлин — первый заместитель руководителя Министерства общего машиностроения, возглавлял Государственный комитет по запуску космических аппаратов, в 1974–1975 гг. он возглавил Координационный комитет по программе «Союз — Аполлон».
- ³⁶ РГАНИ. Ф. 03. Оп. 78. Д. 1079. Л. 7–8.
- ³⁷ Там же. Л. 12–14.
- ³⁸ Там же. Л. 11, 24.
- ³⁹ Там же. Л. 25.
- ⁴⁰ Там же. Л. 31, 38.
- ⁴¹ Там же. Л. 51.
- ⁴² Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, 24 мая 1972 г. // Роскосмос. URL: https://www.roscosmos.ru/media/files/history/epas/00_mid.pdf (дата обращения: 11.07.2024).
- ⁴³ Key Issues in U. S. Scientific Exchanges and Technology Transfer. Report prepared by the Committee on Science and Technology. U. S. House of representatives, Ninety Sixth Congress, First Session. Serial W. November 1979. Washington, 1979. P. 21.
- ⁴⁴ *Schweitzer G. E.* Techno-Diplomacy. P. 148.
- ⁴⁵ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 794. Л. 132; *Stevenson R. W.* The rise and fall of Détente: Relaxing the tension in US-Soviet Relations, 1953–84. London, 1985. P. 200.
- ⁴⁶ *Ezell E. C., Ezell L. N.* The partnership. P. 195–315.
- ⁴⁷ *Сыромятников В. С.* 100 рассказов о стыковке и о других приключениях в космосе и на Земле. Ч. 1: 20 лет назад. М., 2003.
- ⁴⁸ *Мозжорин Ю. А.* Так это было... Мемуары Ю. А. Мозжорина. Мозжорин в воспоминаниях современников. М., 2000. Гл. 6. URL: <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/mozjorin/tak/06.html> (дата обращения: 11.07.2024).
- ⁴⁹ CIA Archive. Interagency Intelligence Memorandum. Soviet Dependence on Space Systems. November 1975. P. 25–30.

⁵⁰ Callahan A. L. Sustaining Soviet-American Collaboration, 1957–1989 // *NASA in the world: Fifty years of international collaboration in space* / eds J. Krige, A. Long Callahan, A. Maharaj. New York, 2013. P. 139–140.

⁵¹ РГАНИ. Ф. 03. Оп. 78. Д. 1081. Л. 25–27.

⁵² Петров Борис Николаевич — академик, с 1966 г. председатель Совета по международному сотрудничеству в области исследования и использования космического пространства при АН СССР («Интеркосмос»).

⁵³ РГАНИ. Ф. 03. Оп. 78. Д. 1081. Л. 21–22.

⁵⁴ Там же. Л. 72–74.

⁵⁵ Siddiqi A. Cosmic contradictions: Popular enthusiasm and secrecy in the Soviet space program // *Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture* / eds J. T. Andrews, A. A. Siddiqi. Pittsburgh, 2011. P. 63–76.

⁵⁶ РГАНИ. Ф. 03. Оп. 78. Д. 1081. Л. 54–57.

⁵⁷ Там же. 45–47, 50–51.

⁵⁸ Протокол совещания у заместителя министра общего машиностроения Г. А. Тюлина, 7 июня 1973 г. // Роскосмос. URL: <https://www.roscosmos.ru/media/files/history/epas/26.protokol.sovesania.u.g.a.tulina.ot.07.06.1973.pdf> (дата обращения: 11.07.2024); Протокол № 25 заседания коллегии Министерства общего машиностроения, п. IV., 16 августа 1973 г. // Там же. URL: <https://www.roscosmos.ru/media/files/history/epas/27.iz.protokola.n25.zasedania.kolleгии.mom..p.iv..16.08.1973.pdf> (дата обращения: 11.07.2024); Протокол совещания у заместителя Министра общего машиностроения М. А. Брежнева. 28 сентября 1973 г. // Там же. URL: <https://www.roscosmos.ru/media/files/history/epas/15.protokol.sovesania.u.zam.ministra.brezneva.m.a...ot.28.09.1973..pdf> (дата обращения: 11.07.2024); Протокол совещания у Министра общего машиностроения С. А. Афанасьева (п. II), 1 октября 1973 г. // Там же. URL: <https://www.roscosmos.ru/media/files/history/epas/16.iz..protokola.sovesania.u.ministra.om..p.ii..01.10.1973.pdf> (дата обращения: 11.07.2024); Выдержки из Протокола № 7 заседания коллегии Министерства общего машиностроения (МОМ) под председательством замминистра Г. А. Тюлина (п. VI), 7 апреля 1974 г. // Там же. URL: <https://www.roscosmos.ru/media/files/history/epas/14.iz.protokola.n7.zasedania.kolleгии.mom..p.vi..07.03.1974.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).

⁵⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1080. Л. 113–114.

⁶⁰ Ребров М. Ф., Гильберг Л. А. «Союз» — «Аполлон». С. 64–66.

⁶¹ По воспоминаниям В. С. Сыромятникова, астронавт Ф. Борман, посетивший в 1971 г. старый ЦУП в Евпатории, отмечал: «Советы опять показали нам что-то несуществующее», а действующий Центр «слишком секретный» (*Сыромятников В. С.* 100 рассказов о стыковке... Ч. 1. С. 512).

⁶² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1081. Л. 19–22.

⁶³ Ребров М. Ф., Гильберг Л. А. «Союз» — «Аполлон». С. 75–77, 82–85.

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1080. Л. 110.

⁶⁵ Там же. Л. 108–109.

⁶⁶ Там же. Д. 1081. Л. 8–10.

⁶⁷ Там же. Л. 1, 15–16.

⁶⁸ Там же. Л. 36–37.

⁶⁹ Там же. Л. 77–78.

⁷⁰ Там же. Д. 1082. Л. 41–42. Судя по пометкам на документе, с ним ознакомились А. Н. Косыгин, Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, Н. В. Подгорный.

⁷¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1082. Л. 58, 62–65.

⁷² Там же. Л. 86–87.

⁷³ Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, 18 мая 1977 г. // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038165> (дата обращения: 11.07.2024).

⁷⁴ Agreement Between the USSR Academy of Sciences and the National Aeronautics and Space Administration of the USA on Cooperation in the Area of Manned Space Flight, May 11, 1977 // *Exploring the unknown: Selected documents in the history of the U.S. Civilian Space Pro-*

gram. Vol. 2. P. 215–217. URL: https://archive.org/details/NASA_NTRS_Archive_19970013297/page/204/mode/2up (дата обращения: 11.07.2024).

⁷⁵ Сыромятников В. С. 100 рассказов о стыковке... Ч. 2. М., 2010. С. 80.

⁷⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1084. Л. 21–22.

⁷⁷ Westad O.A. The cold war. P. 476.

⁷⁸ Chapman B. Export controls: A contemporary history. Washington, 2013. P. 29–32.

Статья поступила в редакцию 20 июля 2023 г.

Рекомендована к печати 27 декабря 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Юнблюд В. Т., Ильин Д. В. Экспериментальный полет «Аполлон — Союз» как политический и научно-технический проект разрядки (по материалам отечественных архивов) // *Новейшая история России*. 2024. Т. 14, № 2. С. 498–519. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.215>

Аннотация: Изучение событий эпохи разрядки международной напряженности 1969–1979 гг. обладает особой притягательностью в связи с опытом позитивного политического и научно-технического взаимодействия двух сверхдержав: СССР и США. Этот опыт приобретает особую актуальность в связи с современными международными процессами. Одним из символов разрядки стала советско-американская космическая экспериментальная программа «Аполлон — Союз» (ЭПАС), в рамках которой проводились совместные стыковки космических кораблей в орбитальном пространстве. В статье на основе документов Архива внешней политики РФ, Российского государственного архива новейшей истории и других опубликованных источников, в том числе американских, рассматривается история программы ЭПАС как важного элемента кооперации сверхдержав в космосе в годы разрядки. Особое внимание уделено факторам, обусловившим начало сотрудничества, а также причинам, по которым за стыковкой «Союза» и «Аполлона» не последовало сопоставимых по масштабу и яркости проектов. Авторы приходят к двум ключевым выводам. Во-первых, программа ЭПАС, возникнув как сугубо научно-технический проект, вытекавший из актуальных задач развития пилотируемой космонавтики, в 1972 г. вписывалась в общую повестку двусторонних отношений Москвы и Вашингтона и стала для обеих сторон политически значимым проектом, ценность которого не была напрямую связана с его научно-техническим наполнением. Во-вторых, история ЭПАС наглядно отражала специфику двусторонних отношений в условиях разрядки — обе стороны стремились к сотрудничеству, но при этом имели четкие рамки допустимых действий и уступок, за которые они не переходили.

Ключевые слова: экспериментальная программа, Аполлон — Союз, разрядка, научно-техническое сотрудничество, советско-американские отношения, Соединенные Штаты Америки, Советский Союз.

Сведения об авторах: Юнблюд В. Т. — д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет (Киров, Россия); youngblood@vyatsu.ru | Ильин Д. В. — канд. ист. наук, доц., Вятский государственный университет (Киров, Россия); dimahist@mail.ru

Вятский государственный университет, Россия, 610000, Киров, ул. Московская, 36

FOR CITATION

Yungblud V. T., Ilyin D. V. 'The Apollo-Soyuz Experimental Flight as a Political, Scientific and Technical Detente Project (On Materials from Russian Archives)', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 2, 2024, pp. 498–519. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.215> (In Russian)

Abstract: The Détente Era — as political defusing of international tensions in the 1960s and 1970s — represents an interesting period in World History. The study of this era has a special appeal in connection with the experience of positive political, scientific and technical interaction between two superpowers: the USSR and the United

States, — an experience that lacks at present days. One of the brightest symbols of the Détente was the joint Soviet-American space experimental program “Apollo-Soyuz Test Project” (ASTP), within the framework of which joint docking of spacecraft in orbital space was carried out. Based on documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, the Russian State Archive of Contemporary History and other published sources, including American ones, the article examines the history of the ASTP program as an important element of cooperation between superpowers in space during the years of detente. Special attention is paid to the factors that led to the beginning of cooperation, as well as the reasons why the docking of Soyuz and Apollo was not followed by projects comparable in scale and brightness. The authors come to two key conclusions. Firstly, the ASTP program, which arose as a purely scientific and technical project arising from the urgent tasks of developing manned space exploration, was inscribed in 1972 into the general agenda of bilateral relations between Moscow and Washington and became a politically significant project for both sides, the value of which was not directly related to its scientific and technical content. Secondly, the history of the ASTP clearly reflected the specifics of bilateral relations in the context of detente — both sides sought cooperation, but at the same time had clear limits of permissible actions and concessions, for which they did not go over.

Keywords: experimental program, Apollo-Soyuz, Détente, scientific and technical cooperation, Soviet-American relations, United States, Soviet Union.

The research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-28-01876, <https://rscf.ru/project/22-28-01876/>.

Authors: *Yungblud V. T.* — Dr. Sci. in History, Professor, Vyatka State University (Kirov, Russia); youngblood@vyatsu.ru | *Ilyin D. V.* — PhD in History, Associate Professor, Vyatka State University (Kirov, Russia); dimahist@mail.ru

Vyatka State University, 36, ul. Moskovskaya, Kirov, 610000, Russia

References:

- Averch H. *A strategic analysis of science & technology policy* (Baltimore, 1985).
- Callahan A. L. ‘NASA and the Soviet Union/Russia’, *NASA in the world: Fifty years of international collaboration in space*, eds J. Krige, A. L. Callahan, A. Maharaj, pp. 139–140 (New York, 2013).
- Chapman B. *Export controls: A contemporary history* (Washington, 2013).
- Clay M. *Shuttle-Mir: The United States and Russia share history’s highest stage* (Washington, 2001).
- Ellis T. “‘Howdy partner!’ Space brotherhood, detente and the symbolism of the Apollo-Soyuz Test Project”, *Journal of American Studies*, vol. 53, iss. 3, 2019, pp. 744–769. <https://doi.org/10.1017/S0021875817001955>
- Ezell E. C., Ezell L. N. *The partnership: A history of the Apollo-Soyuz Test Project* (Washington, 1978).
- Garthoff R. *Détente and confrontation* (Washington, 1985).
- Karash Yu. *The superpower Odyssey: A Russian perspective on space cooperation* (Reston, 1999).
- Karash Yu. Yu. *The secrets of the Moon race. The USSR and USA: Cooperation in space* (Moscow, 2005). (In Russian)
- Khozin G. S. *Orbits of space cooperation* (Moscow, 1976). (In Russian)
- Khozin G. S. *The USA: Space and politics* (Moscow, 1987). (In Russian)
- Krasnyak O. ‘The Apollo-Soyuz Test Project: Construction of an ideal type of science diplomacy’, *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 13, iss. 4, 2018, pp. 410–431. <https://doi.org/10.1163/1871191X-12341028>
- McDougall W. *The Heavens and the Earth: A political history of the space age* (New York, 1997).
- Nelson K. *The making of Détente: Soviet-American relations in the shadow of Vietnam* (Baltimore, 2019).
- Nixon R. *The Memoirs of Richard Nixon*: in 2 vols (New York, 1978).
- Rebrov M. F., Gilbert L. A. *Soyuz-Apollo* (Moscow, 1975). (In Russian)
- Sadeh E., Lester J., Sadeh W. ‘Modeling international cooperation for space exploration’, *Space Policy*, vol. 12, iss. 3, 1996, pp. 207–223. [https://doi.org/10.1016/0265-9646\(96\)00013-6](https://doi.org/10.1016/0265-9646(96)00013-6)
- Schweitzer G. E. *Techno-Diplomacy: US-Soviet confrontation in science and technology* (New York, 1989).
- Siddiqi A. ‘Cosmic contradictions: Popular enthusiasm and secrecy in the Soviet Space program’, *Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture*, eds J. T. Andrews, A. Siddiqi, pp. 63–76 (Pittsburgh, 2011).
- Siddiqi A. *Challenge to Apollo: The Soviet Union and the space race, 1945–1974* (Washington, 2000).
- “Soyuz” and “Apollo”. *The narratives of Soviet scientists, engineers and cosmonauts who participated in joint work with American specialists*, ed. by K. D. Bushuyev (Moscow, 1976). (In Russian)

Stevenson R. W. *The rise and fall of Détente: Relaxing the tension in US-Soviet Relations, 1953–84* (London, 1985).

The US Global Strategy in the context of the scientific and technological revolution, ed. by G. A. Arbatov (Moscow, 1979). (In Russian)

Volf D. 'Evolution of the Apollo-Soyuz Test Project: The effects of the "third" on the interplay between cooperation and competition', *Minerva*, vol. 59, 2021, pp. 399–418. <https://doi.org/10.1007/s11024-021-09435-8>

Westad O. A. *The cold war: A world history* (New York, 2017).

Yungblyud V. T. "'The way to the Rubicon": American-Soviet contacts in the field of science and technology', *Quaestio Rossica*, vol. 10, no. 5, 2022, pp. 1691–1707. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.5.755> (In Russian)

Received: July 20, 2023

Accepted: December 27, 2023